

Александра Грац

Рассказы со смыслом и
настроением

Антиутопии, миниатюры и
другие несбывшиеся события

Александра Грац

Рассказы со смыслом и настроением

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24426217

Аннотация

Откуда мы здесь? Как не потерять самое дорогое? Зачем тебе память? Кто ты? Сборник художественных рассказов, антиутопий, миниатюр и философских задач разделен на две части. Одна с рассказами, которые заставят Вас обратить внимание на важные вещи в жизни, о которых мы часто забываем в повседневности будней, задуматься над проживаемой жизнью и взглянуть на жизнь с другой точки зрения. Другая часть наполнит настроением. Это рассказы с особой атмосферой и вкусом.

Содержание

Поезд жизни	5
Дробь Судьбы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	46

РАССКАЗЫ СО СМЫСЛОМ

Поезд жизни

(автобиографический рассказ о том, как важно ценить каждый миг с близкими, пока они живы)

Посвящается моей бабушке Дине, человеку, "который научил меня всему доброму и чистому, что во мне есть... осталось".

Поезд жизни мчался по бескрайним просторам России от одной остановки к другой мимо полей ржи и пшеницы, мимо стад коров и покосившихся домиков вдоль железной дороги, мимо деревень и городов. Он несся с бешеной скоростью, быстрее птиц, быстрее ветра, но очень плавно. Стук колес, убаюкивающее покачивание. За окном мелькают пейзажи и отрывки человеческих жизней, как кадры, вырванные из фильма, печального и нескладного.

Поезд стал постепенно сбавлять скорость, стал двигаться утомительно и невыносимо медленно, пока, наконец, резко не остановился. Огромный зеленый тролль поднял металлическую щеколду и, пытаясь, раздвинул тяжелые чугунные двери детского вагона.

Город Клинцы в Брянской области. Большая привокзальная площадь. Заборчики ближайших домов покрыты сотым слоем белой краски. Старое просторное здание вокзала в

стадии капитального ремонта. Мы с бабушкой вышли из поезда. Какая ностальгия! Здесь я часто бывала в детстве. С 5 лет и каждое лето. И каждый раз всё здесь приводит меня в восторг. Какая-то особая атмосфера!

Мы обошли вокзал и поспешили к остановке, чтобы успеть на автобус №5. Не сказать, что они ходят очень редко, но зачем ждать следующего, если можно успеть на тот, что приходит ровно к приезду поезда. Все автобусы здесь древние, небольшие коробочки с закругленными углами, тарахтящие, с пухлыми сиденьями, набитыми поролоном. Между сиденьями ходит кондуктор со старыми отрывными билетами, счастливыми и не очень, и проезд стоит раза в 4 меньше, чем в столице.

Едет автобус неспеша. Не секрет, что в России дороги не подарок. И хотя автобус старается объезжать все ямы, всё равно бесконечно трясется, и волей-неволей тебя подбрасывает на пару сантиметров в воздух.

От нашей остановки надо немного пройти вверх по крутой горке, и вот он старый коричневый кирпичный дом в 5 этажей, который издалека сложно даже разглядеть за пышной листвой деревьев. Вход в подъезд свободный. Охраняется только тремя зоркими старушками, сидящими на «детской площадке». Собственно, детской площадки-то и нет. Осталась только огромная треугольная конструкция, которая когда-то, очевидно, была большими качелями.

Каждое лето забываю, в каком подъезде, на каком этаже и

в какой квартире, мы живем. Помню только визуально, пока вновь не посмотрю на цифры. Лестничные проемы даются бабушке тяжело. Лифта нет, а ступеньки высокие. Каждый раз она останавливается возле окна перед последним лестничным пролетом. Стекло двойное, и, сколько себя помню, одно все время разбито. Одна и та же треугольная дырка.

А на подоконнике один и тот же фиолетовый цветок в одном и том же горшке. Бабушка ставит сумку на подоконник достает ключи, набирается сил и делает последний рывок до деревянной двери, на которой мелом нарисован крест.

И вот мы дома. Для меня эта квартира всегда была необычной. Она как будто пропитана добром, уютом, запахом высушенных трав, вкусным чаем и чистой детской фантазией. Моей фантазией. Узкий и очень короткий коридор, ведущий на маленькую кухню, в маленькую ванную с маленьким узким окошком на кухню и в маленький туалет в форме трапеции с прямым углом. Стены были покрыты синей глянцевой краской. А на полах узкие половые дорожки. Холодильник в «прихожей».

И сразу с порога виден вход в зал, где дверь всегда открыта, но в проеме висят занавески. Здесь тоже ковер, но цвета морской волны, а стены покрыты нежно салатовой матовой краской с бежево-коричневым редким узором из цветов, спускающихся широкими полосками от потолка до середины стены. В углу телевизор, который показывает только 1ый и 2ой канал, вдоль стен два дивана, туалетный столик, ба-

бушкина швейная машинка и соответствующий арсенал катушек с нитками (в детстве бабушка частенько шила мне наряды), а также длинный шкаф, где хранились по большей части посуда, таблетки и старые ненужные документы, давно утратившие свою ценность. Помимо этого, шкаф был набит занимательными фигурками, статуэтками, старыми брошками и альбомами с пожелтевшими от возраста фотографиями. Наиболее запоминающейся оказалась однажды извлеченная оттуда подушка с медалями прадеда. Крайний к углу стеллаж уставлен иконами и свечами. На шкафу стоит огромная икона Божьей Матери в деревянной раме, покрытая белым льняным рушником с ручной вышивкой. Фотографии близких людей на стене. Самый необычный предмет в зале – это стиральная машина. Впрочем, она так ловко замаскирована, что совсем не привлекает внимания.

Из зала дверь в спальню, которая, как правило, закрыта на ключ и тоже спрятана за занавеской. В спальне две раздельные полутороспальные кровати, шкаф в стене и большой платяной шкаф, в котором я тоже обожала копаться. В один из вечеров я обязательно мерила огромные платья, туфли, сумочки, бусы и серьги. Пока они мне были слишком велики.

«Ну вот подрастешь, будешь носить», – говорила бабушка.

Я всё ждала, когда же я подрасту. Но эти вещи так и не стали мне как раз. Они все были где-то 46-48 размера. Бабушка их хранила годами специально для внученьки. Но их

сожгли после ее смерти...

Позже бабушка уже сама просила примерить «самые модные» платья ее молодости. Я делала это без охоты, потому что они всё также были велики мне. Иногда она показывала мне свое черное платье, в котором она просила ее похоронить. Но это мне совсем не нравится, лучше опять туда. Где мне семь.

Вечером на ночь я просила мне почитать. Но не сказки, а детскую Библию. Это была такая красивая книга: синяя обложка, страницы из плотной глянцевой бумаги и красочные иллюстрации!

Вставала бабушка всегда очень рано. Когда я с утра приходила на кухню, меня всегда ждала порция блинчиков с домашним вареньем или сметаной. У бабушки всегда была куча дел. Мне сложно сказать, что это были за дела, но, очевидно, в основном по хозяйству. В детстве я ее часто просила рассказать о ее прошлом, о молодости. Но у нее почти не было времени на эти рассказы. Спустя лет 10 уже было наоборот. У нее появилось побольше времени, но либо меня не было рядом и она забывала, что хотела рассказать, либо у меня просто не было времени. И мобильные только недавно появились, и мы так сэкономили на разговорах. Как же это было глупо – экономить деньги на таких вещах...

Что это я? Прочь от грустных мыслей. Я сюда не за ними приехала.

Днем мы ходили по магазинам. Нет, простите, по гастро-

номам. Ходили в старый парк с руинами в центре города и с качелями. Обожаю качели. Иногда ездили на дачу и жили там несколько дней. А на даче с утра пораньше ходили с дедушкой за грибами. У меня было маленькое пластмассовое ведро для грибов и земляники. А также для всего, что можно было собрать на огороде, и с ним же я ходила к колодцу за водой. В ведро помещалось стакана два воды, и та вытекала через маленькую дырочку в доньшке. Но я себя чувствовала помощницей в общем деле по хозяйству. Иногда, приезжая с дачи, бабушка продавала выращенные цветочки и зелень вместе с другими бабушками на центральной площади. Мы сидели с ней пару часов, а потом на вырученные деньги она покупала мне сладости.

Когда мы оставались в городе, то ходили в гости и в церковь. Я любила ходить в церковь. Чем старше я становилась, тем больше меня раздражала необходимость одевать юбки и покрывать голову платком. Но, тем не менее, мне нравилось. По воскресеньям причащались. Так вот с утра, не ев и не пив, шли в церковь. Помню только, как мы складывали руки на груди. Проскура, вино – кровь и плоть Христа. Святая вода, сладкий чай с кусочками ржаного хлеба после службы. До 7 лет исповедоваться перед причастием не надо. Когда уже требовалась исповедь, я перестала ходить на причастия. В церкви меня знали. Женщина, которая продавала иконы и крестики, даже подарила мне красивое издание детской Библии на церковнославянском языке. Конечно, я даже имени

ее не помню, как это ни печально. Тяжело было стоять всю службу. Но всё равно это было настолько душевно, столько в этом ритуале света и благодати. Счастье и умиротворение. И повсюду ангелы. Они помогали, одобряли и придавали сил.

Сегодня вечером мы пораньше легли спать. В два часа ночи бабушка будит меня, включает верхний свет, мы быстро и тихо собираемся, чтобы не разбудить соседей, этих зорких старушек постовых. Они, как Халк, превращаются от своей язвительности и зависти в злобных зеленых монстров, если заметят что-то подозрительное. Собираемся и идем на автобусную остановку. В 3 часа ночи отбывает поезд. Наверяд ли автобусы ходят всю ночь. Скорее всего, один-два рейса специально к поезду. На вокзале мы покупаем билеты и идем на платформу к первому вагону – там останавливается детский вагон. По-моему, от остальных он отличается лишь тем, что он более короткий и уютный. Но там не так уж много детей, куда больше бабуль.

Вот уже слышен гудок поезда жизни, разрезающий крошечную тьму низким гулом. Где-то вдали из-за поворота появляются два горящих глаза, стремительно приближающихся к платформе. Все нервничают и толпятся, потому что поезд стоит на этой остановке всего пару-тройку минут... и никого не ждет.

Поезд остановился и люди, толкаясь, бегут к дверям. Бабушка пытается протолкнуть меня вперед. И я каждый раз боюсь, что я залезу в поезд, а бабушка не успеет, и я уеду од-

на. Платформа очень низкая, а ступеньки в вагон очень высокие для пятилетней девочки. Бабушка придерживает меня за талию сзади, чтобы я не упала. Я залезла и, не отходя от двери, развернулась, ожидая бабушку. Но какая-то другая бабка уже пропихнула свое полное тело вперед и лезла вагон, распихав всех позади, ругаясь страшными словами и извергая проклятия. Мне тоже досталось за то, что я оказалась у нее на пути. Мне вдруг стало совсем страшно. Я начала звать бабушку. Но она где-то затерялась в этой толпе стариков. Толпа потихоньку просачивалась в вагон, каждый непременно отталкивал меня, отдавливая мне ноги и ругаясь за то, что я мешаюсь в проходе. У меня уже слезы наворачивались на глаза от этой несправедливости, а жирный орок только безучастно ухмылялся. Наконец уже почти все забрались в вагон.

– Бабушка, ну давай же скорее, – я ей протянула руку, хотя она бы, конечно, за нее не взялась. Это скорее был жест моральной поддержки. Но орок резко оттолкнул меня и начал закрывать дверь. Поезд тронулся. Отчаяние накрыло меня волной страха.

– Подождите, остановите поезд. Моя бабушка осталась там! – во мне кричала уже не маленькая скромная девочка, а уже та, что была постарше.

Орок резко закрыл дверь и встал перед ней, не реагируя на меня и мои слова. Я забежала в вагон к ближайшему окну. Плакала и смотрела на платформу, пока поезд набирал

скорость. Бабушка попыталась поспешить за поездом. Но когда двери оказались закрыты, это уже было бесполезно. Она остановилась там, где заканчивалась платформа, без единой надежды в глазах, полных слез. Она махала мне рукой, посылая воздушные поцелуи. И видно было, что эти поцелуи были вырваны из самого сердца и пропитаны сильной любовью.

Я открыла глаза. Пять часов вечера. Я задремала после занятий в институте. Этот год для бабушки выдался очень тяжелым. Последний раз, когда я ее видела летом, она часто переживала, что больше может не увидеть меня, просила запомнить, где лежат ее сбережения и приданое, которое она собирала для меня. Но уже июнь и скоро мы снова увидимся.

Еще тем летом она подарила мне подушку с вышивкой, которая гласила от кого и кому: Алесечке от бабушки Дины. Каждое перышко этой подушки она лично промыла и прокипятила 3 раза, чтобы у меня не было аллергии. Еще, правда, и потому, что я очень придирчива в таких вопросах. Она всю зиму мучалась с этой подушкой. А когда показывала ее мне, сказала: «Вот я умру. Но у тебя будет подушка от меня. Будешь спать на ней и вспоминать обо мне. И надпись, как напоминание». Я старалась отстраниться от всех ее слов о том, что ей недолго осталось. Я категорически отказывалась верить в подобный вариант развития событий.

Где-то осенью или зимой она перенесла операцию. Но я даже не знала об этом. Так же, как не знала, что ее болезнь

куда тяжелее.

В начале весны она позвонила и попрощалась. До этого, когда она звонила, ее голос звучал еще достаточно бодро, хотя она и говорила о грустных вещах. О том, как она надеется дожить до лета, чтобы вновь увидеться. Она даже написала об этом достаточно длинное стихотворение о нас, о том, как любит и скучает по мне. Но когда она звонила прощаться, ее голос совсем потерял живость. Она, кажется, даже не плакала уже. Она была слишком вымотана болью. Я попросила у нее прощения за всё, что было сделано не так. Но, кажется, она даже не поняла, о чем я говорила. Даже тогда я не верила в плохой исход. Не хотела верить. Я попросила у нее прощения, потому что она сама всё время сожалела, что не нашла в себе силы простить и попросить прощения у своей матери перед смертью.

Прощаться всегда тяжело. Прощаться навсегда – невыносимо больно. Наверное, поэтому мой разум отказывался принять эту мысль. Я начинала реветь, даже на секунду допуская мысль о смерти.

И конечно, у меня совсем не было возможности навестить бабушку в больнице. Ведь в нашем университете за пропусками занятий отчисляют. Тем более скоро уже летняя сессия.

Я пошла в ванную смыть неприятный осадок сна. Из коридора было видно, что мама с кем-то говорила по телефону. Я умылась холодной водой и успокоилась. Мама позвала меня из кухни, я откликнулась, не выходя из ванной.

– Бабушка умерла.

На несколько секунд повисла тишина, и я поняла, что мама ждет какой-либо реакции от меня или ответа.

– Ясно, – пробубнила я и уткнулась в полотенце.

Я не плакала, не кричала, не всхлипывала, просто зажмурилась. Осознание приходило позже наплывами, взрывами, врываясь ко мне в душу без спроса, терзая ее, и вырывалось наружу с кусками сердца слезами, ненавистью к себе и обидой.

Я даже не была на ее похоронах. У меня опять не было времени. Зачетная неделя, подготовка к сессии, ссоры в музыкальной группе. Приехала только на поминки. Уже на обычном поезде.

Всё до того же города Клинцы. Вокзал доделали уже, оказывается. Автобусы всё те же. Всё тот же кирпичный дом, только вместо зорких бабок – домофон. Город чуть-чуть изменился. Дороги немного отремонтировали, вместо гастрономов – магазины, церковь покрасили, дачи нет уже лет пять. Квартира почти пустая. Многие вещи сразу выбросили и сожгли. Никому не нужны. Мое мнение и участие вообще нигде не требуется.

Похоронили бабушку рядом с ее семьей, на кладбище в поселке Сытая Буда. От Клинцов можно на такси доехать минут за 40-50. У бабушки было 4 брата и сестра. Все умерли и погибли еще в молодости. Всех она похоронила. Когда она говорила о них, они оставались для меня «абстрактными»

людьми, которых никогда и не существовало в моей реальности. А теперь она, такая живая и реальная, лежала где-то под землей рядом с такими же насыпями земли.

На поминках все удивлялись, почему я расплакалась. А мужик, который копал могилу, жаловался, что ему мало заплатили. Какие-то бабки стали сплетничать и уверять дедушку, что он был не тем, кого она по-настоящему любила. Хотя я-то знала, что это не так. Что она жалела, что поторопилась с первым мужем, что ждала дедушку до 40 лет и действительно любила его. Ставила мне это всегда в пример и очень просила не торопиться с выбором того единственного.

Где-то в этом поселке стоит дом, в котором жили родители бабушки. Он был просто покинут, заброшен, разрушен, зарос сорняками и кустами. Не исключено даже, что там живут цыгане или бомжи. А еще в этом поселке живет мой крестный. О том, что он мой крестный ему напомнили совсем недавно (на восемнадцатом году моей жизни), в связи с этими трагическими событиями. Впрочем, этот факт никак не отразился на моей жизни.

Как-то всё печально. Перед отъездом я вновь обошла квартиру бабушки. Она выглядела покинутой и безжизненной. Когда я вернулась сюда через год, она и вовсе была пустой. Остался только диван и туалетный столик с зеркалом.

Теперь уже и квартиры нет.

—Мам, а где подушка с бабушкиной росписью?

—Какая?

– Там было написано, что она для меня от бабушки.

– А эта! Там наволочка порвалась, ее пришлось выбросить, а сама подушка у меня на работе...

– Что она там делает?

– Как что? Я на ней сплю.

А сундук с приданным? Да, что-то привезли. Все перепуталось: что, откуда и где теперь? Непонятно.

Мне невыносимо больно от того, что я не сделала. Чувствую себя виноватой за всё. Главным образом, за то, что закрылась от всего, что происходило, глухой стеной. Мне было страшно столкнуться со всем, что происходило, с чужой болью, с разлукой. Я пыталась спастись от всего этого. А получилось, что я просто упустила последний шанс побыть рядом с человеком, которому я была небезразлична, который мне небезразличен, который научил меня всему доброму и чистому, что во мне есть... осталось.

Вновь пытаюсь избежать боли и душевных терзаний, сажусь на поезд жизни. Он несется, рассекая бескрайние просторы России, от города к городу. Уже не детский вагон. Вокруг грустные, скучающие лица. На платформе вновь вижу бабушку. Она идет к остановке, едет домой, занимается делами по дому. Но я никак не могу ее догнать, она не обращает на меня внимания, не узнает... и нет у меня ни единого шанса получить ее прощение.

Дробь Судьбы

(о том, что у каждого свой жизненный путь и не стоит равняться на кого-то другого)

Пожилая женщина с седыми волосами, собранными в пучок, зашторила окна, укрываясь от холодного белого света луны. В мягких желтых оттенках ночника комната казалась намного уютнее. Она подошла к книжному шкафу и достала с верхней полки красивую книгу в кожаном переплете с тиснением золотыми буквами "Новая Библия для детей".

– Ты помнишь, чем закончилась первая книга, – спросила она свою шестилетнюю внучку Викторию.

– Да! – в предвкушении продолжения ответила девочка. – Иисус воскрес, но должен был вернуться на землю.

– Правильно, – бабушка открыла Новую Библию и начала читать. – Люди не спасли сына Божьего, когда он в первый раз явился на землю, и не смогли, таким образом, искупить грехи свои.

С тех пор прошло несколько тысячелетий, самых темных тысячелетий в истории человечества, полных лжи и нечистот, войн и насилия. Это было время порока и греха, когда темное царство, незаметно для смертных спустилось на землю. Но Мессия все-таки явился миру второй раз, как и было предсказано Священным писанием.

«И ходил пастырь по земле в поиске добрых душ, но

встречал везде только волков в овечьих шкурах.

И понял сын Божий, что люди извратили весь миропорядок, созданный Богом, и стали даже мыслить иначе. Они уподобились машинам, которые сами создали. Людьями стал править жесткий расчет и жадная рука наживы. Люди стали верить только в то, что видят и чувствуют, в то, что приносит им выгоду».

Мессия рассказал в своих молитвах Отцу всё, что видел, но просил не наказывать людей за их грехопадение, так как ведомы стали те новым миропорядком. И Бог был милостив.

«Забрал он в царство Божие тех, кто, не смотря на все соблазны и искушения лукавого мира, сохранил душу и жил согласно слову Божьему. И стали они отныне ангелами, ибо смогли устоять перед всеми искушениями в темном царстве, установившемся на Земле.

Прочим же смертным Он дал особый дар. И дар этот был их проклятием и спасением одновременно. Отныне каждый видел над своей головой и над головой ближнего своего дробное число».

Именно число, потому что люди перестали чувствовать своими душами и различать добро и зло и стали видеть результаты своих поступков только в числовом и денежном выражении. За поступки свои каждый получал очки в числитель или знаменатель, согласно которым решалась судьба души после смерти. Поэтому число это стало называться Дробь Судьбы. Числителем дроби были грехи человека, знаменате-

лем – добрые поступки.

Каждый получал по своим заслугам. Мессия ходил по свету со своими учениками и объяснял людям, что значат цифры над их головами. И знал теперь каждый, что, ежели числитель будет больше знаменателя на момент его смерти, то попадет такая душа в ад. Если же числитель будет в два раза больше знаменателя, то такая душа будет отправлена в чистилище и навеки уничтожена. А если знаменатель будет в два раза больше числителя, то такая душа будет возведена в ангелы и сможет навсегда остаться в раю.

– А если кто-то захочет стать демоном?

– Это глупые люди. Ты же не глупенькая?! Демонами становятся только хорошие работники в аду.

«Долгое время искали люди способы обмануть Дробь Судьбы, но так им это и не удалось. Потому что нельзя обмануть собственную душу, невозможно обмануть Бога».

Некоторые, например, просили убить их, пока их знаменатель был больше. Но люди все время забывали о разных тонкостях, об искренности. Например, что желание убить себя – тоже грех, тем более в корыстных целях.

Жизнь людей полностью изменилась с появлением Дробь. Люди перестали воевать, убивать, грабить и унижать друг друга. Но все это произошло не потому, что люди стали добрее и чище душою, а потому что были ведомы все той же жадностью и стремлением к бессмертной и безмятежной жизни, которая отныне стала так ощутимо реальна для них.

И несмотря на то, что числитель почти не рос у многих людей, знаменатель и вовсе не двигался с места, так как не было искренности в поступках людей, которая является главной характеристикой доброго дела. Особо предприимчивые использовали новые правила игры для собственной выгоды. Люди стали доверчивы. Если кто-то врал, ты сразу это видел по увеличивающимся баллам в числителе. Поэтому все привыкли к тому, что почти никто не лукавил больше. Лишь по телефону и в интернете ты не видишь дробь собеседника, и манящая возможность обмана привлекала подгнившие душонки.

Впрочем, спустя десятки лет люди нашли простые и легкие способы зарабатывать баллы в знаменателе такие, как благотворительность. Это позволило им периодически предаваться грехопадению и быстро обращать свою Дробь из неправильной в правильную. Так что жизнь богатых и бедных так же, как и на протяжении всех тысячелетий, сильно различалась. У богатых было явно приоритетное положение.

Бабушка Виктории была очень религиозна, она непременно должна была стать ангелом, и она, как никто другой, знала закон Божий и могла без труда объяснить любой замысел Создателя. Когда Виктории было всего семь лет, умерла ее бабушка, и не было уже того, кто бы ей помог справиться с событием, изменившим ее жизнь навсегда. Одним солнечным теплым утром Виктория проснулась от ужасной го-

ловной боли, которая периодически беспокоила ее со смерти бабушки. Врачи связывали это с перенапряжением эмоциональным и физическим.

Но самый неприятный сюрприз ждал ее в отражении зеркала. Виктория с ужасом обнаружила, что за ночь ее числитель увеличился на 156 баллов. Более того, число в верхней части дроби продолжало неудержимо расти, прибавляя каждые 2-3 минуты по баллу. Родители сначала долго не верили в невиновность девочки. Но так как цифры менялись с пугающей быстротой, не замедляя хода, а девочка явно ничего плохого не совершала при этом, они серьезно забеспокоились. Они водили ее к всевозможным священникам, провидцам, врачам и ученым. Но никто не смог дать ни одного вразумительного ответа. В итоге все сошлись во мнении, что произошедшее это всего лишь недоразумение, ошибка, сбой в системе, если хотите, и девочке не о чем волноваться – якобы, на небесном суде ее оправдают.

Впрочем, самой Виктории в это с трудом верилось и рисковать своей душой ей не хотелось (ведь с таким числителем несложно попасть и в чистилище). Так что Виктория смирилась с тем, что теперь ей придется вести исключительно праведную жизнь и тратить все деньги и силы на то, чтобы не угодить в ад. На еду и одежду она тратила ровно столько денег, сколько требовалось, чтобы не умереть от голода и холода, все остальное отдавала сиротам, бездомным и людям с ограниченными способностями.

Она всегда была послушной, старательной, приветливой и милой, но все равно постоянно сталкивалась с человеческими предрассудками, беспочвенными обвинениями и упреками в своем несуществующем грехопадении. Незнакомые люди ей редко верили, они считали, что такой постоянно возрастающий числитель свидетельствует не иначе как о том, что она мошенница, постоянно живущая в грехе и лжи. В то же время за все свои страдания она заслуженно получала баллы в знаменатель. Виктория была так воспитана самими обстоятельствами, что в ее мыслях никогда и не мелькали никакие корыстные мысли, злорадство, ее мысли были лишены сарказма и насмешек, пошлостей и прочей плотской грязи.

Но однажды, перевернув призму мировоззрения, она познакомилась и с другой стороной жизни. В тот вечер Виктория отправилась в ночной бар, расположенный крайне неудобно и довольно далеко от ее дома и пользующийся достаточно дурной репутацией. Простое правило: чем сложнее задача, тем больше баллов. Главное, чтобы сложный выбор был еще и адекватен. В бар она пришла, конечно, не развлекаться, а спасти отчаявшиеся души и помогать им найти дорогу домой. Она постоянно появлялась в местах, где людям периодически требуется какая-либо помощь: материальная, духовная или физическая. Поэтому ее часто принимали за очередную охотницу за баллами.

Виктория как обычно села за один из уединенных столи-

ков у дальней стены клуба подальше от веселящихся подростков и клуба охотников за баллами.

– Привет, меня зовут Даниель, а тебя, красотка? – к заду-
мавшейся девушке неожиданно подсел молодой человек лет
30.

– Виктория. Чем я могу Вам помочь? – девушка казалась
невозмутимой.

– Ты, похоже, пришла одна. Может, составишь мне ком-
панию сегодня ночью?

– Простите, Вы меня, наверное, за кого-то другого приня-
ли.

Даниель, удивленно приподнял одну бровь и, усмехнув-
шись, спросил.

– Хочешь сказать, что ты с этими святошами заодно? – он
бросил взгляд в сторону охотников. – По твоему числителю
так не скажешь...

– Я не с ними пришла. Но с той же целью.

– А что ж не с ними? Не берут тебя в свою банду? – решил
он проявить остроумие.

Виктория поджала губы и промолчала. Ее числитель за-
кономерно прибавил очередной балл.

– Эй, да что такое с твоим числителем?! Ты держишь в
подвале истекающего кровью и умирающего от голода своего
учителя риторики?

– Нет, – терпеливо принялась объяснять Виктория, ста-
раясь сдерживать все возможные отрицательные эмоции. –

Мой числитель самопроизвольно непрерывно увеличивает-ся. Я не делаю ничего противозаконного, – здесь стоит пояснить что слово «противозаконный» приняло несколько иной смысл со временем. А именно «против закона Божьего», так как теперь закон Божий и наказание за его нарушение были также очевидны и реальны, как уголовный кодекс. И я здесь, чтобы помочь несчастным запутавшимся душам.

– О, это я! – самодовольно заявил парень. – Я несчастная запутавшаяся душа. Я живу на острие ножа, на грани. Сегодня ночью мой числитель больше знаменателя, и никогда не знаешь, успеешь ли отыграть свое место в раю прежде, чем смерть неожиданно настигнет тебя. Но мне нравится такая жизнь, мне помогать не надо.

– Я тебя понимаю, – грустно проговорила Виктория. – Хотя мой образ жизни и вовсе не похож на твой. Только я не получаю удовольствия от того, что постоянно нахожусь одной ногой в аду. Я только и делаю, что стараюсь изо всех сил удержаться в раю или хотя бы не угодить в чистилище. Я так боюсь, что у меня не хватит сил выстоять до конца, борясь с невидимым грехом.

– Не повезло. Но ты неплохо справляешься. Не так часто можно встретить человека с такой длинной дробью. Даже у заядлых прожигателей жизни с миллиардами в банках по всему миру дроби обычно короче. Но разве можно так жить, всегда держа себя в рамках? – не услышав ничего в ответ, он воскликнул. – Нет, это невысказано! Пошли! – он потянул ее

за руку, но она отдернула свою руку.

– Куда?

– Я покажу тебе жизнь, – он отвернулся, но она не сдвинулась с места. – Не бойся, я обещаю, что послезавтра ты уже опять будешь в раю. Проживи хоть один день в свое удовольствие... если не боишься, – на его лице мелькнула кривая улыбка.

Она встала из-за стола и пошла за ним.

Даниель сел за барной стойкой. Виктория присела рядом.

– Три текилы, Бармен!

– Ого! Текила – это сразу 20 баллов. Но кому третья?

– Все три для тебя. Я плачу, – он протянул деньги бармену, и его знаменатель увеличился на один балл.

– Что? Ты с ума сошел?

– Ты слишком напряжена. Тебе нужно расслабиться сначала.

– Надеюсь, ты не пытаешься за счет меня заработать баллы.

– Если бы пытался, они бы не прибавились, согласишься. Потому что в моих действиях был бы корыстный умысел.

– Тебе как обычно, Дан? – спросил бармен в клетчатой жилетке, протирая стол барной стойки. Он приветливо улыбался, но Виктория заметила в его глазах оттенок грусти. Впрочем, возможно, это была просто усталость.

– Да.

– Ты здесь частый гость? – спросила она своего нового

знакомого.

– Еженедельный. Расслабляюсь после тяжелой трудовой недели...

– Развращая святош?

– Делать мне больше нечего. С плохими девочками куда интереснее коротать вечера.

– Что же натолкнуло тебя на мысль потратить вечер на меня?

– Нравишься ты мне, – прищурившись, сказал он, чем вызвал легкую улыбку у нее.

– Чем ты занимаешься?

– Да, тем же, чем и все. Торгую наркотиками, оружием и детской порнографией, – Виктория не смогла удержать свои брови, которые от удивления и ужаса уползли на лоб. – Да, шучу я, не бойся. Мне от отца досталась ферма, так что веду обычный сельскохозяйственный бизнес: продаю, покупаю, нанимаю рабочих. Самая ненапряжная работа в наше время и почти не приходится врать. А ты?

– Я работаю в больнице медсестрой. А выходные ты, значит, проводишь здесь?

– Ну, типа того. Не всегда здесь. Есть полно мест в этом городишке, где можно неплохо оторваться, если ты не зануда и не боишься прибавить пару баллов в числитель.

Повисла пауза. Виктория, кажется, о чем-то задумалась на секунду, но тут же озвучила свой вопрос.

– Зачем ты так живешь?

– Как зачем? Чтобы забыть о бессмысленности существования, о вечности, чтобы не думать о том, куда мы движемся и зачем, о том, что однажды мне придется по-настоящему забыть эту жизнь, чтобы начать новую с чистого листа.

– Но у тебя есть все шансы набрать достаточное количество баллов, чтобы навсегда поселиться в раю. Твой числитель не растет каждую минуту. Ты вполне можешь наслаждаться праведной жизнью здесь и еще целую вечность там.

– А что, если я боюсь вечного существования не меньше, чем вечного забвения? Что я там буду делать целую вечность? Развлекаться тем, что наставлять на путь истинный смертных? Но зачем? В чем заключается конечный смысл такого существования? – он не на шутку разошелся, поднимая громкость на тон с каждым новым вопросом. Его числитель прибавил пару баллов за уныние.

Повисло неловкое молчание. Конечно, Виктория не знала ответов на эти вопросы.

– Прости, – успокоился Даниэль. – Просто я считаю, что лучше тогда сейчас получать выгоду из своего существования, просто наслаждаясь им, раз уж никакого объективного смысла в этом нет. И вообще, хватит болтать, – он взял ее руку и провел долькой лайма от указательного до большого пальца.

Виктория рассмеялась.

– Что ты делаешь?

Немного соли сверху.

– Ты собираешься меня съесть?

– Неужели ты не знаешь, как пить текилу?

– Нет.

– Облизнешь. Залпом выпьешь и потом кусаешь дольку лайма.

Она опрокинула первую стопку, морща нос после каждого этапа. Но ничего не почувствовала, кроме легкого привкуса трав, обжигающего горло. Разум, кажется, остался чист... Кажется.

– Мерзость, – ее числитель резко дернулся, прибавив 20 баллов.

– Вкус мало кому нравится. Главное то, что может дать тебе алкоголь. А он поможет тебе забыть о числителе, который создает преграды на пути твоего веселья и ограничивает твою свободу. У человека нет преград, кроме тех, которые он сам себе придумывает.

– Числитель придумал не человек.

– Но человек придумал, что числитель – это принуждение к 'правильной' жизни. Давай, осталось еще две! – он опрокинул свой стакан с виски и дождался, пока Виктория расправится с текилой.

Вскоре все переживания отступили. Даже как-то приятнее стало жить. Ничего не беспокоит. К черту работу! К черту числитель! К черту весь этот идиотский мир! Я что не могу хоть раз в жизни расслабиться?!

– Что дальше? – спросила Виктория повеселевшим голо-

сом, замечая неодобрительные взгляды со стороны компании праведников.

– А дальше поедем в более веселое местечко!

Они вышли на улицу и сели в его кабриолет. Спустя 15 минут они уже гнали по автостраде с бешеной скоростью, от которой захватывало дух.

– Мы выехали за город?

– Да, общество не потерпело бы такого заведения в черте города, – он загадочно улыбнулся. – Это закрытый клуб.

Виктория откинулась на спинку автомобильного сидения и вытянула руку из машины. Она просто наблюдала за мелькающими пейзажами, залитыми лучами заходящего солнца, ни о чем не думая. Запах травы и теплый ветер от скорости, скользящий сквозь пальцы.

Они свернули на проселочную дорогу, ведущую сквозь плотную стену деревьев, и выехали в поле, окруженное со всех сторон высокими растениями. В центре поляны тоже был островок деревьев, которые они объехали кругом. Сразу за кронами деревьев скрывался величественный дворец, будто сошедший со страниц книг о Средневековье. Трехэтажное кирпичное здание с башенками и балконами было ограждено высокой бетонной стеной с видеокамерами. Они проехали через главные ворота. Даниэль показал охраннику какую-то карту.

– Хочешь посмеяться? – он протянул ей карточку, которую только что показал. На ней значилось: "Участник клуба

любителей истории".

– Что смешного? – Виктория растерянно посмотрела на него.

– Скоро узнаешь...

Они остановились перед главным входом. Величественные резные парадные двери и две лестницы полукругом ведущие ко входу. Молодой швейцар по-дружески поздоровался с Даниэлем, поймав ключи от машины, и поспешил отогнать ее на стоянку.

– Мне кажется, я несколько неподходяще одета для такого места, – Виктория посмотрела на свою старую растянутую футболку, потертые джинсы и кроссовки. Хотя она и выглядела при этом достаточно опрятно, чувствовала она себя совсем не комфортно, заходя в этот дворец рядом с парнем в дорогом костюме, рубашке и до блеска начищенных кожаных туфлях.

– Не беспокойся, – он положил руку ей на спину, подталкивая ее ко входу.

Два швейцара своевременно распахнули перед ними мощные входные двери, и до Виктории стали доноситься приглушенные и отдаленные звуки музыки. Они оказались в прекрасном маленьком зале, куда поместилось бы не более десяти человек. Пол выложен крупной мозаикой, гранитный столик с большой антикварной вазой из фарфора, стены с росписью и лепниной в виде колонн, увитых разнообразной растительностью, зеркальный потолок и хрустальная люстра,

подрагивающая в ритме глухих басов. В этом зале было еще два хорошо сложенных швейцара, один был готов принять верхнюю одежду посетителей, второй стоял рядом с еще одной дверью.

Даниэль провел своей клубной картой по считывателю рядом с дверью, и после короткого звукового сигнала швейцар распахнул перед ними дверь, за которой скрывался целый океан звуков и света: громкая музыка, шквал голосов, крики, вспышки, цветные прожекторы. После благословенной тишины природы эта какофония звучала оглушительно. Они прошли внутрь. Огромный зал был поделен на несколько зон: барная стойка, танцпол, сцена, столики с диванами, уровнем выше такие же столики отделены искусно развешенными занавесками. Множество людей в вечерних нарядах, стильная одежда, дорогие украшения, дым от сигарет и кальянов, смех и крики. Виктория никогда не видела столько людей с почти такими же длинными дробями, а некоторые из них были даже длиннее, чем у нее. Раньше ей казалось, что столько баллов в числитель сложно даже специально набрать. Они прошли к бару, и никто даже ни разу не посмотрел на ее дробь. Зато ее внешний вид явно вызывал смешки у пафосных барышень. Так что Виктория все равно чувствовала себя неуютно.

– Привет, Данни! – все радостно здоровались с ее «проводником». В ответ Даниэль лишь улыбался и приветственно поднимал руку, иногда называя своих знакомых по именам.

Они сели у барной стойки. Бармен, не отрываясь от дел, кинул мимолетный вопросительный взгляд в их сторону.

– Девушка будет дайкири, мне как обычно, – ответил Данни.

Через минуту ловкий бармен уже поставил перед ними напитки.

– Опять алкоголь? – поморщилась Вика.

– Эй, сегодня просто делай как я, – подмигнул Данни и сделал глоток из своего бокала.

– Привет, Дан! Как жизнь, дружище? – к ним подошел мажорный парень, в фирменных джинсах, яркой футболке и с невообразимой укладкой на голове. Из их краткого и не очень содержательного диалога с Даниэлем Виктория, тем не менее, поняла, что этот ровесник Даниэля, по всей видимости, один из его лучших друзей.

Тем временем на сцене затрещали динамики, раздались попсовые аккорды и совсем юный симпатичный мальчик стал вытягивать высокие ноты, заставляя девчонок на танцполе визжать так, что Виктория невольно закрыла уши руками.

– Да, блин, опять это педик выполз на сцену, – плюс 47 баллов в числитель Даниэля.

– За что ты так ненавидишь этого пацана? Завидуешь? – стал подкалывать его друг Филипп.

– Завидую?! ЧЕМУ?! Тому, что он в свои 18 лет стал кумиром 14-летних пендовок по всему миру? Что он еще ни-

чего не знает о жизни, а уже ангел? И строит из себя идеального праведного мальчика, – за ненависть его числитель прибавлял неспеша по баллу, даже когда он молчал.

– Ты же даже незнаком с ним! Может, он такой и есть... – сдерживая смех, предположил Филл.

– Тогда бы он не был здесь, среди таких же... отпетых негодяев, – подбирая подходящие слова он вспомнил это новомодное выражение, которое стало употребляться практически в прямом смысле по отношению к людям, чьи знаменатели обеспечивают им вечное пребывание в раю, но их числители при этом оставляют желать лучшего.

– Как насчет покера? – Филл посмотрел на Даниэля, немного прищурившись.

– Пожалуй.

– Готов спустить пару тысяч баксов?

– Говори за себя. Я намерен сегодня пополнить свой карман, – улыбаясь, ответил Дан.

Виктория, конечно, не умела играть. Под действием выпитого алкоголя она, тем более, плохо анализировала происходящее, ходила в обнимку с Данни не только потому, что ей тяжело было передвигаться прямо, но и потому, что она уже сама откровенно флиртowała с ним.

За столом Филл постоянно шутил, вспоминая смешные истории (по крайней мере, ему они казались смешными), которые происходили с ним и с Данни.

– Лет в 20 мы с Данни играли на гитарах в рок-группе.

Классное время было, да, Данн? Девки начинают сходить с ума, как только видят гитару. А если еще и на сцену вылезешь в каком-нибудь клубе... На части рвут от восторга. Я сейчас вспомнил одну, которая гроулила (прим. Гроул – вид звукоизвлечения, подобный низкому рыку) ниже, чем наш брутальный бородатый вокалист. Мы тогда выступали в каком-то мелком клубе, даже не помню его название. И там были такие круглые столы, как здесь. В общем, мы с пацанами только присели, чтобы отметить шикарное выступление, а эта девка уже под столом расстегивает мою ширинку. Вот она нам устроила русскую рулетку тогда. Мы ее, правда, сами из-под стола не выпускали, пока она не прошла по всем, – он дико рассмеялся, все остальные более сдержанно. Но Филл, не стесняясь присутствовавших лиц женского пола, продолжал пошлить, говоря о девушках в основном как об игрушках из секс-шопа, которые он успел попробовать.

– Дан, а помнишь, когда ты со своей девушкой пришел? Отойду, говорит, поссать. До туалета не успел дойти, как ему на шею набросилась очередная малолетка. А он и не сопротивляется, да, Дан? Его девушка в соседнем зале сидит, а его там практически насилуют.

– Ай-ай-ай! – укоризненно покачала головой Виктория.

– Клевета! Я просто был так пьян, что не мог сопротивляться чужим ласкам. И что я мог сделать? Она же девушка. Я девушек не обижаю, – в ответ Филл только рассмеялся еще громче.

Игра у Филла шла с переменным успехом, как и у всех за столом. Но удача, тем не менее, сегодня явно отдавала предпочтение Даниэлю. Между партиями собравшиеся рисовали картами белые дорожки из кокса, чтобы перейти на новый уровень сложности игры. И совсем расслабившаяся Виктория уже не спорила с Данни о том, как надо жить, и просто делала, как он. Виски, сигары, наркотики. Жизнь прекрасна!

– Неужели все эти подонки окажутся потом в раю ангелами? Где вообще в этом мире справедливость? – прошептала Вики, презренно оглядывая взглядом присутствовавших.

Данни пожал плечами.

– Мир людей несправедлив, и всё в нем относительно. Числитель относителен знаменателю. Какие бы миллиарды у тебя ни числились в верхней части дроби, всё в итоге решает знаменатель, – Даниэль вновь сосредоточился на картах.

– Фул Хаус, детка! Йеее! – Данни двумя руками сгреб выигрыш очередной партии. – А мне с тобой везет, Вики, – она громко рассмеялась, запрокинув голову. Данни взял бутылку текилы и с криками восторга и улюлюканьем, перевернув ее над головой Вики, вылил всю бутылку на девушку, пока она продолжала смеяться. В рот попадало совсем немного, текила текла по губам, по шее, струйками спускаясь в декольте, а Данни поцелуями собирал капельки напитка с ее шеи.

Вики встала, чтобы выжать футболку, насквозь пропитанную текилой. А Данни тем временем распахивал выигранные им деньги по своим и ее карманам. Вики лишь на секунду

вспомнила о дроби, увидев, как знаменатель Даниэля прибавил несколько баллов за эту «благотворительность». Но проверить собственную дробь у нее не было ни желания, ни возможности (в клубе нигде не было ни зеркал, ни отражающих поверхностей).

В этот момент в комнату вошла ослепительно прекрасная и утонченная девушка, ища кого-то взглядом. Смех и разговоры в комнате немного притихли.

– Мадлен! Красотка моя!

– Данни! Тебя целую вечность не было видно! Куда ты пропал?

– Много работы было, – как-то не очень убедительно прозвучал его голос, да и числитель предательски дернулся.

– Когда это тебя останавливало от того, чтобы заскочить в клуб на недельке?

Даниэль, кажется, даже забыл о существовании Виктории, погрузившись в разговор с этой обворожительной блондинкой с ярко накрашенными красной помадой губами, шикарным декольте, в вечернем облегающем красном платье с очень высоким разрезом вдоль правой ноги. Ей было обязательно даже быть столь яркой, чтобы обращать на себя взгляды всех присутствовавших. Она излучала уверенность и выглядела вызывающе дерзкой.

«Красотка, значит! Да еще и «моя»», – Виктория резко почувствовала недостаток внимания к собственной персоне и ненавязчивые уколы ревности, поэтому решила «на зло»

своему спутнику переключить свое внимание на Филла.

– Вики, да у тебя вся одежда мокрая от текилы. Пошли, я тебе покажу, где здесь можно переодеться, – сдерживая улыбку, предложил Филл.

– Пошли, – доверчиво и игриво ответила она. Но Данни уже не видел и не слышал их.

Сногшибательная блондинка взяла его под руку и повела в менее шумное место в чил-аул зоне.

– Я бы тебе еще, может, и поверила бы Данни, если бы твой числитель хоть на секунду замер бы на месте, но ты ведь уже совсем бессовестно врешь. Что-нибудь серьезное случилось?

– Да, ничего страшного, не переживай. Просто слишком много думаю, последнее время, – он растянул свой рот в улыбке, стараясь выглядеть как можно беспечнее, и добавил невзначай. – О жизни.

– Думать в наше время особенно вредно. Признавайся, куда ты дел веселого, жизнерадостного Данни, мошенник? – она шутливо улыбнулась, проведя рукой по его ладони.

– Просто надоело всё. Настолько надоело, что у меня появилось чувство, будто кто-то вырезал мое сердце и там теперь пусто. И представляешь, я ничего не чувствую. Мне всё абсолютно равно. От этого перманентного уныния и безразличия мой числитель стал самопроизвольно прибавлять баллы. Отвратительное, знаешь ли, ощущение – понимать, что ты не получил никакого удовольствия за прибавленные бал-

лы, – он криво улыбнулся.

– Ну, видишь, что-то ты все-таки чувствуешь: отвратительные ощущения, – хихикнула Мадлен.

– От этого уныние только растет.

– А что это за девушка с тобой была?

– Я нашел ее в старом ночном клубе «У Джонса».

– Там, где мы с тобой познакомились?

– Именно.

– Что ты там забыл? В этой дыре! Этот клуб уже давно ниже твоего уровня.

– Пришел за воспоминаниями и в поисках ответов на мучающие вопросы. И представь, я нашел там эту крошку с бесконечно растущим числителем. Может, благодаря ей, я смогу понять, почему мой так барахлит.

– Ты просто слишком много думаешь, Данни. Отсюда кризис среднего возраста. А грусть и печаль всегда отражаются на числителе. Я думаю, весь фокус в том, чтобы просто не думать о жизни.

– Я не думаю, я чувствую. И еще я чувствую, что нас с Викторией что-то объединяет. Она заставляет мое сердце биться быстрее, когда я смотрю в ее глаза. Но меня не покидает чувство, что это нечто большее, чем просто влечение. Она... она просто нужна мне. Вот что это. Просто рядом. Даже сейчас, хотя я знаю, что она неподалеку и никуда не денется отсюда.

– Если она тебе так нужна, то я бы не оставляла ее наедине

с Филлом. Он ее хорошему не научит. Ты же знаешь его, – усмехнулась Мадлен.

– За что я тебя люблю, Мадлен, так за то, что ты умная... Здравая мысль, луч света в моей темной пьяной голове, – он поцеловал ее в щеку. – Пойду к ним.

В комнате, где они играли в покер, Вики не оказалось, но подкреплённые алкоголем и наркотиками молодые люди подсказали Даниэлю, что она «развлекается с Филлом и ребятами где-то наверху». Тот самый «вверх», о котором они говорили, представлял собой подобие элитного отеля с почасовой оплатой и дополнительными услугами борделя.

– Вот подонок! – выругался Дан и практически сразу протрезвел, благодаря той дозе адреналина, что хлынула ему в кровь, когда он осознал, что сам виноват в сложившейся ситуации и что не надо было бросать эту невинную девушку одну. Он даже представить себе не мог, как будет завтра извиняться перед ней. А вдруг она так обидится, что поднимет весь город на голову лишь бы прикрыть это очаровательное местечко.

В надежде избежать всех тех неприятных сцен, что нарисовались у него в голове, он побежал наверх. Он беспардонно врывался во все номера подряд невзирая на таблички «Не беспокоить», так как никакой другой возможности узнать, где находится нужный тебе человек здесь нет. Перед его глазами мелькали самые интимные сцены из жизни неизвестных ему людей, а он пытался распознать в переплетенных

обнаженных телах Викторию.

Открыв очередную дверь, он увидел ее обнаженную, полностью отдавшуюся страсти в окружении четырех парней и двух миниатюрных близняшек-азиаток. Ее числитель был раза в полтора больше знаменателя. Это выглядело возбуждающе и пугающе одновременно, учитывая общую длину ее дроби. Из такого ада сложно, если вообще возможно, выбраться. И это его вина по большей части.

Секунды две он, замерев, стоял в растерянности и решал, как следует поступить. Злость и негодование окончательно вернули его мозг в состояние, которое принято считать трезвым.

Он долго шатался по коридорам отеля, не думая ни о чем, потому что думать уже совсем не хотелось. Когда сдерживать поток мыслей стало совсем тяжело, он решил заглушить его хорошей порцией алкоголя. Хотел для лучшего эффекта добавить еще чудодейственный порошок. Но не стал этого делать, оставшись верным своему принципу: в одиночестве наркотики принимают только наркоманы. Окончательно убедившись в том, что он больше не способен думать и бодрствовать, Дани поднялся наверх в одну из комнат. На автомате повесил табличку «Не беспокоить», замков на дверях все равно не было. Грохнулся в одежде на кровать и отключился на несколько часов. Беспокойный насыщенный сон не позволил ему долго наслаждаться отрешенностью мира снов, ни секунды не давая отдыха мозгу. Он открыл глаза. Уста-

лость и безрезультатные попытки уснуть. Это ужасное сочетание легло тяжелым камнем на сердце. И он решил отдаться напору мыслей.

На утро, когда она проснется, ее будет разъедать изнутри чувство стыда, страх перед количеством цифр в числителе, отчаяние и ненависть ко мне, потому что это я привел ее сюда и бросил «без присмотра», «на съедение этим животным». Она даже видеть меня не захочет. Как же я тогда смогу изучить ее и разобраться в собственном беспричинно растущем числителе?! Да, к черту числитель. Я ведь потеряю ее навсегда.

– Да к черту ее, она мне не нужна, – попытался он тут же вслух убедить себя, хотя и чувствовал, что это совсем не так.

В принципе, учитывая, сколько в среднем дают баллов за самоубийство, я мог бы закончить всё сейчас, попасть в рай. Пусть и не ангелом. Ничего страшного, что с перерождением. Что в новой жизни совсем ничего не буду помнить о старой, о том, кем был, что знал, чего хотел, чего добился, во что верил и чего боялся. Переживу как-нибудь. Хех... переживу... Но по крайней мере, не буду трястись каждый день над своим числителем, тратя всю жизнь только на то, чтобы хотя бы сохранить имеющуюся разницу со знаменателем. А что?! Это разумная мысль.

С пустым, ничего не выражающим взглядом, не пошеве-

лив ни одной мышцей на лице, он встал с кровати, взял жгут, которым подвязывались шторы. Повисев на люстре, убедился, что она выдержит его вес. Потратил минут семь, вспоминая, как правильно сделать петлю, но из-за сумбурной ночи, проведенной в переживаниях, так и не смог вспомнить. Зашел с телефона в интернет, нашел инструкцию с картинками. Сделал петлю. Сходил в уборную, чтобы содержимое его кишечника после смерти не так сильно расстроило администрацию, уборщицу и кого бы то ни было, кто обнаружит его труп. Привязал петлю к люстре. Подставил стул. Надел петлю на шею. Хотел потратить пару минут на то, чтобы подумать, ничего ли он не забыл в этой жизни. Но в конце концов решил, что вся эта бессмысленная прокрастинация является лишь трусливыми попытками разума разбудить инстинкт самосохранения, отключенный алкоголем и наркотиками.

Шаг со стула, как шаг в открытый космос. Воздуха резко не стало. Горло режет. Кажется, что голова сейчас лопнет. Темно. Тихо. Ничего.

Опять горло режет. Легкие жжет. Грудная клетка болит. Какой-то шум и звон. Это звук тишины в мире жизни. Виктория?

Она испуганно смотрела на Даниэля, ожидая, что в любую секунду он вновь перестанет сам дышать.

– Ты меня спасла? – удивленно спросил Даниэль, жадно глотая воздух, несмотря на то, какую боль ему причинял каждый вдох. Он боялся посмотреть ей в глаза. Но так как

она молчала, он все-таки бросил быстрый взгляд на нее. И то, что он увидел, заставило его снова посмотреть на нее, но более внимательно. Ее знаменатель был уже больше числителя. Невероятно.

– Твой зна... – неудачная попытка сдавленно выдать пару слов, но Виктория его поняла.

Она обеспокоенно огляделась в поисках зеркала, но единственной отражающей поверхностью оказался душевой смеситель в ванной комнате. От удивления она открыла рот. Не веря своим глазам, несколько раз провела рукой сквозь дробь и, не смыкая губ, начала улыбаться.

– Как тебе удалось? За спасение даже нескольких жизней столько не дают. Чем ты занималась всю ночь? – в эту секунду в его голове всплыла откровенная сцена с участием Виктории, которую ему довелось увидеть накануне.

– Ну, я познакомилась с парой очень интересных ребят, – безэмоционально произнесла Виктория, в то время как Дани старался сдержать нарастающую злость, чтобы не сказать ничего обидного в адрес своей спасительницы. – Один из них кстати держит модельное агентство. Он предложил мне сняться для новой коллекции одежды Пальмео. Может, слышал – он очень известный кутюрье, – повисла тишина.

– Я, в общем-то, всегда мечтала стать моделью... – как-то отстраненно произнесла Вики, будто разговаривала сама с собой вслух. – Я ходила на кастинги, занималась гимнастикой, постоянно сидела на диетах. Но моя бабушка была

очень религиозна, и она сказала (впрочем, и не только она), что это плохой выбор профессии, потому что в шоу-бизнесе одна только грязь, зло и порок. А она хотела бы видеть меня на облаках. Пока она была жива, я не особо придавала значение ее словам. Все-таки, я считала, это моя жизнь, и мне решать, как ее тратить. Я думала, что могла бы быть моделью и оставаться «правильной девочкой». Но перед смертью это было фактически ее последнее пожелание ко мне – бросить идею стать моделью. И я отказалась в итоге от этой мечты, потому что... ну, потому что... мне кажется, у меня просто перестало получаться. Может, я была не готова или... не знаю, что еще.

– А может, потому что ты ее любила! Но если бы она знала, насколько тебе это дорого, что это твоя мечта и цель, она бы не стала настаивать. Ты должна попробовать еще раз.

– Но мне уже 27. По-моему, уже поздно начинать карьеру модели.

– Никогда не поздно, – возмущение придало ему сил, и он даже привстал с пола и подошел к ней, еле передвигая ноги, – даже если это последний день твоей жизни.

Все недостающие кусочки этого пазла встали точно на свои места, и Дани увидел все ранее невидимые нити судьбы, соединяющие все события и всех людей замысловатыми переплетениями, и вслух произнес ту мысль, к которой пришел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.